

«ХАРБИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ» В ПРИКАМЬЕ

О.В. Урасинова, Л.А. Обухов

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул.Букирева, 15

Рассматривается одна из спецопераций НКВД в Прикамье против бывших работников Китайско-Восточной железной дороги, проводившаяся в период так называемого «большого террора», в 1937-1938 гг.

Террор, охвативший страну в 1937-1938 гг., получил название «большого», потому что по своему размаху и жестокости он был сопоставим только с массовыми репрессиями первых лет советской власти («красный террор») и значительно превосходил карательные операции последующего периода. По статистике НКВД в 1937-1938 гг. его органами (без милиции) было арестовано более 1,5 млн. человек, из них около 700 тыс. было приговорено к расстрелу. Массовые репрессии этих лет представляли собой серию централизованных карательных операций против различных категорий населения, рассматривавшихся руководством страны в качестве потенциальных или реальных врагов режима. В народе этот период получил название «ежовщина», по имени наркома НКВД Н.И. Ежова.

Начало «большому террору» положило постановление Политбюро от 2 июля 1937 г. «Об антисоветских элементах». Затем это постановление было конкретизировано целой серией приказов наркома НКВД Н.И. Ежова. 30 июля он подписал оперативный приказ, утвержденный Политбюро, о проведении начиная с 5 августа операции по «репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Это была самая значительная операция в рамках «большого террора». Помимо нее был проведен ряд национальных операций: «немецкая», «польская». Затем последовали репрессии против румын, латышей, эстонцев, финнов, иранцев, македонцев и другие операции НКВД.

Особая операция проводилась против так называемых «харбинцев» - бывших работников Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), вернувшихся в СССР в разное время, но в основном после ее продажи в 1935 г. Основанием для массовых репрессий против бывших харбинцев послужил оперативный приказ народного комиссара внутренних дел Н. Ежова от 20 сентября 1937 г. В приказе утверждалось, что в

подавляющем большинстве выехавшие в СССР харбинцы «являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности». Согласно приказу с 1 октября 1937 г. предлагалось приступить к операции по ликвидации террористических, диверсионных и шпионских кадров харбинцев на транспорте и в промышленности СССР и закончить ее к 25 декабря 1937 г. Аресту подлежали все харбинцы:

а) избранные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности;

б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнослужащие разных белых формирований;

в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.);

г) участники троцкистских и правых формирований, а также все харбинцы, связанные с деятельностью этих антисоветских формирований;

д) участники разных эмигрантских фашистских организаций («Российский общевойсковой союз», «Союз казачьих станиц», «Союз мушкетеров», «Желтый союз», «Черное кольцо», «Христианский союз молодых людей», «Русское студенческое общество», «Братство русской правды», «Трудовая крестьянская партия» и т.п.);

е) служившие в китайской полиции и войсках как до захвата Манчжурии японцами, так и после образования Маньчжоу-Го;

ж) служившие в иностранных фирмах, прежде всего японских, а также белогвардейских (фирма Чурина и др.);

з) окончившие в Харбине известные курсы «Интернационал», «Славия», «Прага»;

и) владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.);

к) нелегально въехавшие в СССР без установленных по закону советских документов;

л) принимавшие китайское подданство, а затем переходившие в советское гражданство;

м) бывшие контрабандисты, уголовники, торговцы опиумом, морфием и т.п.;

н) участники контрреволюционных сектантских группировок¹.

Органами НКВД было учтено до 25 тыс. так называемых харбинцев. Утверждалось, что они в подавляющем большинстве, состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций. На уровне областных управлений НКВД этот приказ дублировался и уточнялся. Так, 17 октября 1937 г. заместитель начальника третьего отдела УГБ УНКВД по Свердловской области направил письмо в районное отделение г. Березники, в котором предлагалось всех проживающих на территории этого района харбинцев арестовать, в первую очередь работающих на химкомбинате².

Аресты было приказано произвести в две очереди. В первую следовало арестовать всех работающих в НКВД, служащих в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности, во вторую - остальных харбинцев. Все арестованные подразделялись на две категории: относящиеся к первой подлежали немедленному аресту и расстрелу, входящие во вторую - заключению в лагеря и тюрьмы на срок от 8 до 10 лет.

В начале августа 1937 г. в местные органы госбезопасности поступила телеграмма за подписью Сталина, в которой сообщалось, что «при областных отделах НКВД создаются особые тройки, которые должны разбирать дела на троцкистов, шпионов, диверсантов и крупных уголовных преступников». «Тройки» создавались на уровне республик, краев и областей. Им предоставлялось право выносить приговор по первой и второй категориям. «Тройка» состояла из председателя (начальника местного управления НКВД) и двух членов (первого секретаря региональной партийной организации и председателя местного Совета). Прокуроры не принимали участия в работе «троек». Порядок их работы обычно был следующим. Составлялась повестка, или так называемый «альбом», на ка-

ждой странице которого указывались имя, отчество, фамилия, год рождения арестованного и преступление, в котором его обвиняли. После этого начальник областного управления НКВД писал на каждой странице красным карандашом большую букву «Р», что означало «расстрел», и расписывался. В тот же вечер или ночью приговор приводился в исполнение. Обычно на следующий день страницы «альбома-повестки» подписывали первый секретарь и председатель областного Совета. В чекистской практике 1937-1938 гг. такая процедура внесудебной расправы получила широкое распространение и называлась «осуждение по альбому»³. На харбинцев отнесенных, в процессе следствия к первой или ко второй категории, еженедельно составлялся «альбом».

Директивы были получены, и карательные органы на местах начали действовать. Репрессивная сеть забрасывалась глубоко и широко. Один из сотрудников Пермского городского отдела НКВД, активный участник «харбинской» операции, рассказывал, что основанием для ареста служила не преступная деятельность, а пребывание за границей, принятие подданства, бытовое знакомство. Следствие стремилось выявить всех знакомых арестованных харбинцев: как из тех, кто вернулся, так и из тех, кто остался в Харбине⁴.

Во исполнение распоряжения Наркома НКВД следователи стремились фабриковать прежде всего групповые дела, обнаруживая различные шпионские, контрреволюционные организации. Так, в ходе одного из допросов было установлено, что в Свердловской области харбинцы сконцентрированы на Уралмашзаводе, военно-химическом заводе и железной дороге им. Кагановича, где работало до 150 человек харбинцев и корейцев; в Тагиле, на Уралвагонзаводе, насчитывалось до 60 харбинцев и корейцев; в различных организациях Перми трудилось до 40 харбинцев; на Березниковском химкомбинате - около 15⁵.

Следователям НКВД удалось «раскрыть» в Свердловской области контрреволюционную, шпионско-диверсионную, офицерско-фашистскую повстанческую организацию - Уральский повстанческий штаб из правых, троцкистов, эсеров, церковников и, разумеется, харбинцев. Организация делилась на шесть повстанческих округов. В Пермском округе было 22 повстанческих района. Начальником округа был определен секретарь Пермского горкома ВКП(б) Дьячков⁶.

Шпионские организации по данным НКВД действовали не только в городах и на промышленных предприятиях, но и в сельской местности, в колхозах. Так, контрреволюционная шпионская группа, работавшая в пользу Японии, была раскрыта в Еловском районе. В группу входило семь человек, в основном бывшие харбинцы, малограмотные крестьяне, служившие в армии Колчака⁷.

Следователи НКВД выявляли всех, кто окончил шоферские курсы «Славия», упоминавшиеся в приказе Ежова. Органы НКВД считали, что курсы являлись центром подготовки японских разведчиков. Обучение молодежи шоферскому делу проводилось с целью замаскировать ее переброску в СССР и дать возможность под видом получения квалификации обучить шпионско-диверсионной работе⁸. По показаниям подследственных, которые являлись слушателями курсов «Славия», последние были закрыты в 1929 г., а вместо них открылись автотракторные курсы «Интернационал», числившиеся при «Международной компании сельского хозяйства и жатвенных машин»⁹.

Среди «пермских харбинцев» были окончившие курсы «Славия». Например, М.В. Недорезков, уроженец г. Перми, был арестован еще 29 апреля 1937 г., т. е. до приказа наркома. В 1919 г. он выехал из Перми на заработки во Владивосток, в 1920 г. переехал в Харбин, в 1920–1929 гг. – служил на КВЖД, после окончания шоферских курсов работал в авторемонтной мастерской. В 1935 г. он выехал в СССР, где был обвинен в работе на японскую разведку и 25 декабря 1937 г. приговорен к высшей мере наказания¹⁰.

В отношении семей репрессируемых харбинцев следователи НКВД руководствовались приказом Ежова «О репрессировании жен изменников родины, членов право-троцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных Военной коллегией и военными трибуналами» от 15 августа 1937 г. Согласно этому приказу аресту подлежали все жены осужденных этими судебными органами, вне зависимости от причастности к «контрреволюционной деятельности» мужа, а также их дети старше 15 лет, если они признаны «социально опасными и способными к антисоветским действиям». Жены по приговору Особого Совещания заключались в лагеря на 5–8 лет, дети старше 15 лет направлялись в лагеря, колонии или детские дома особого режима. Дети от 1 года до 15 лет, ос-

тававшиеся сиротами, направлялись в ясли и детские дома Наркомата просвещения¹¹.

На основании этого приказа была, например, арестована М.П. Югова. Она обвинялась в том, что являлась женой арестованного за шпионскую деятельность в пользу иностранного государства и не донесла на мужа. В связи с этим М.П. Югова была признана социально опасной и по ст. 58-12 и 58-6 УК РСФСР была приговорена к 3 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ)¹².

В результате «харбинской операции» в стране было привлечено к ответственности 30938 человек, из них 19312 приговорены к расстрелу¹³. В Прикамье по материалам ГОПАПО было репрессировано 138 «харбинцев», в том числе 16 человек после окончания второй мировой войны. 54 % арестованных «пермских харбинцев» были приговорены к высшей мере наказания, 21 % получили срок от 10 до 25 лет лагерей. Большинство осужденных (55 %) обвинялись в шпионаже или в принадлежности к разведывательным органам иностранного государства. По подсчетам 78 % арестованных составляли мужчины, 22 % – женщины, причем 49 % являлись уроженцами Прикамья, 20 % родились в Манчжурии, остальные – в других городах России.

«Харбинская операция», как и другие спецоперации, была продлена до 15 апреля 1938 г. Из личных дел харбинцев видно, что после января 1938 г. высшая мера наказания в обвинительных заключениях практически отсутствует, в основном обвиняемые приговаривались к лишению свободы на определенный срок, а спустя некоторое время часть их была освобождена за отсутствием состава преступления.

Теперь уже ни для кого не является секретом тот факт, что все харбинцы были осуждены по сфальсифицированным материалам. Вина их состояла в том, что они некогда жили в Манчжурии, работали на КВЖД. Главным доказательством вины арестованного служило его признание, которое следователи НКВД стремились получить любым способом. Массовые избиения, истязания арестованных, изнурительные многосуточные допросы, шантаж и провокация были «узаконены» как средства разоблачения «врагов народа», шпионов, диверсантов и т. п. Упрощенная процедура следствия, санкционированная законом от 1 декабря 1934 г., исключала возможность какой-либо проверки полученных показаний.

Во многих управлениях НКВД руководство определяло, сколько признаний в сутки должен получить каждый следователь и сколько фамилий членов антисоветских формирований должно быть указано в каждом протоколе допроса обвиняемого. В связи с этим ежедневно или через день проводились специальные совещания, на которых каждый работник докладывал о признаниях арестованных. Один из сотрудников Пермского городского отдела НКВД при пересмотре дела Н.И. Приходько, которая 25 декабря 1937 г. была приговорена к высшей мере наказания, рассказал, что считалось неплохой работой, если за сутки сотрудник НКВД допросит 8–10 человек и получит от них сведения, доказывающие их преступную деятельность. А с 15 января 1938 г. необходимо было допрашивать 10 – 15 человек и обязательно добиваться их признания. Порой ставили рекорды, допросив 20 человек в сутки¹⁴.

При таких массовых операциях следователи НКВД физически не успевали допросить всех арестованных, а руководство торопило. Местные власти в помощь органам НКВД для проведения массовых спецопераций мобилизовали членов партии, курсантов военных училищ. Так, 31 мая 1937 г. курсанты Харьковского танкового военного училища, находившиеся в Свердловской области были привлечены к проведению массовых спецопераций и даже допущены к следственной работе. Два курсанта направлены в Пермский горотдел НКВД, где находились более двух месяцев. Оба вели следствие по делам арестованных перебежчиков и харбинцев. Курсанты быстро усвоили уроки старших товарищей, и один из них часто практиковал такой метод допроса, когда протокол велся так, чтобы между двух строк оставались пробелы. И сразу же после того как обвиняемого уводили, между строк вписывались вымышленные фразы. Только таким образом курсанту удалось допросить более 20 человек¹⁵. Или еще один пример того, как превращали во «врагов народа». При пересмотре дела П.С. Красильникова бывший следователь рассказал о таком методе допроса обвиняемого, когда заранее подготавливался протокол показаний, в котором указывалось, что арестованный является членом контрреволюционной диверсионной или вредительской организации, активно проводит вербовку в данную организацию. Затем вызывался арестованный, ему задавались обычные вопросы в соответствии с анкетой арестованного, а затем вместе с этой анкетой давали

на подпись заранее подготовленный протокол о принадлежности арестованного к контрреволюционной организации. В подавляющем большинстве обвиняемые, веря следователям, органам госбезопасности, подписывали протоколы не читая. В отдельных случаях, когда обвиняемые отказывались подписывать протокол, к ним применялись меры принуждения – в течение 7-8 суток держали на ногах и не давали спать, редко кто выдерживал подобное испытание¹⁶. Например, В.К. Сунцева обвинялась в том, что занималась шпионско-разведывательной работой в пользу иностранной разведки. Обвиняемая отказалась признать свою вину, и тогда следователь начал топтать на нее ногами, выражаться нецензурно, на протяжении 13 часов всячески измываться над арестованной и в конце концов сломил ее сопротивление, вынудив подписать ложные показания¹⁷.

Для того чтобы получить большее количество признаний, в ряде органов госбезопасности прибегали к прямой провокации. Уговаривали заключенных дать показания об их якобы шпионской работе в пользу иностранных разведок, объясняя, что такого рода показания нужны партии и правительству. При этом обещали заключенным освободить их после «признания». Активно использовалась и угроза ареста семьи.

Массовые незаконные аресты, широкое применение мер физического воздействия к арестованным, фальсификация протоколов допросов и т.д. – все это поощрялось руководством страны.

Пресса, радио, плакаты с «ежовыми рукавицами», а также руководящие работники призывали не только чекистов, но и партийно-советские органы, весь советский народ к повышению бдительности, утверждали о существовании в стране широко разветвленных шпионско-повстанческих, вредительских, антисоветских, контрреволюционных и тому подобных организаций. Большинство чекистов верили партийному руководству, наркому Ежову. Будучи вовлеченными в отдельные случаи нарушения закона, они затем, поддавшись общему настроению, стали проявлять «инициативу» в использовании незаконных методов ведения следствия.

Большой эффективности ведения следствия способствовал и такой порядок, при котором несколько сотрудников выполняли почти механически одно следственное действие. Одни производили арест и обыск, другие заполняли анкеты арестованного, третьи принимали от аре-

стованных заявления, четвертые писали протоколы допроса, пятые корректировали эти протоколы в нужном следствию духе и отдавали их для печатания на машинке, наконец, последние давали отпечатанные протоколы на подпись арестованным. Тех арестованных, которые не поддавались на провокацию, нередко отправляли в холодный карцер (подвальное помещение без отопления), но это была крайняя мера. У арестованного забирали теплые вещи и оставляли его только в одной рубашке, брюках и обуви. Просидев некоторое время в карцере, не всякий арестованный выдерживал дальнейшие допросы и под угрозами следователя подписывал любое заявление¹⁸. Как вспоминал один из бывших следователей Ворошиловского (г. Березники) райотдела НКВД, «правильному следствию меня никто не учил. Меня учили только фальсифицировать дела. На конвейере я держал людей только до их признания. Когда я получил постановление на арест 200 человек, стал применять те методы ведения следствия, которые узнал при своей учебе. Я верил, что такие методы ведения следствия являются правильными, т.к. мне внушали, что это делается от имени секретаря ЦК и Наркома Ежова Н.И.»¹⁹.

По словам бывших сотрудников Пермского горотдела НКВД, основным методом ведения следствия был оговор и обман обвиняемых. Дела фабриковались исключительно такие, которые не шли в суды, а решались в альбомном порядке²⁰.

Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило 17 ноября 1938 г. постановление СНК и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следственных дел», положившее конец массовым операциям НКВД. 26 ноября 1938 г. новый нарком НКВД Л.П. Берия, исполняя распоряжение высшего партийного руководства, подписал приказ об упразднении «троек». Закончился «большой террор», но репрессии не прекратились. Масштабы их стали меньше, и обычно вместо расстрела давали срок 10 лет лагерей.

«Харбинская операция» - одна из массовых спецопераций, проводившихся НКВД в годы «большого террора», являлась типичной в ряду других по своей жестокости и методам. Ее осуществление в нашем крае не отличалось от проведения этой и других операций в стране. Некоторые областные и краевые управления НКВД стремились перевыполнить планы по уничтожению врагов народа и это, как правило, поощрялось. Массовые репрессии 30-40-х гг., унесшие жизни миллионов невинных людей, продолжались около 20 лет, а массовая реабилитация растянулась почти на 50 лет и до сих пор не завершена. Власть, по сути дела, руководствуется принципом Н. Макиавелли: зло творить сразу, добро – постепенно.

Примечания

¹ Бутовский полигон 1937-1938 гг.: Книга памяти жертв политических репрессий. М., 1999. Вып. 1. С. 335.

² Государственный общественно-политический архив Пермской области (ГОПАПО). Ф. 641/1, оп. 1, д. 13028, л. 25.

³ Иванова Г.М. Как и почему стал возможен ГУЛАГ// ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт н/М; М., 1999. С. 20-21.

⁴ ГОПАПО. Ф. 641/1, оп. 1, д. 13180, л. 141.

⁵ Там же. Д. 12152, л. 69.

⁶ Обухов Л.А. Белая эмиграция в Харбине (Трагедия пермяков, вернувшихся домой)// Русский Харбин и Пермь: Матер. научно-практической конференции. Пермь., 1998. С. 10.

⁷ Там же.

⁸ ГОПАПО. Ф. 641/1, оп. 1, д. 14912, т. 2, л. 12.

⁹ Там же. Л. 22.

¹⁰ Там же. Д. 30315, л. 20, 21, 46, 47, 82.

¹¹ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937-1938 гг.// Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 26.

¹² ГОПАПО. Ф. 641/1, оп. 1, д. 8269, л. 11.

¹³ Международный фонд «Демократия» (Фонд А.Н. Яковлева) [Электронный документ] // (<http://www.idf.ru/2/8.shtml>). Проверено 23.11.2003.

¹⁴ ГОПАПО. Ф. 641/1, оп. 1, д. 16337, л. 9.

¹⁵ Там же. Д. 10270, л. 132.

¹⁶ Там же. Д. 13180, л. 102.

¹⁷ Там же. Д. 5143, л. 9, 34.

¹⁸ Там же. Д. 15400, л. 145.

¹⁹ Там же. Д. 8111, т. 2, л. 9.

²⁰ Там же. Л. 10.

HARBIN OPERATION IN PERM REGION

L. A. Obukhov, O.V. Urasinova

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st., 15

This article deals with the policy of the People's Commissariat of Internal Affairs against former China-East railway workers. This action was realized during 1937 – 1938, the years of the “Great terror”.